

Theft of non-cash funds and digital currency: problems of constructing the elements of crimes

A. N. Smolyakov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-110-117

Research article
Full text in Russian

The article, with reference to the Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1374-O «On the termination of proceedings in the case of checking the constitutionality of paragraph «d» of Part Three of Article 158 and Article 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the request of the Railway District Court of the city of Ryazan» and doctrinal sources, proves the need to improve criminal law norms on the theft of non-cash funds and digital currency. The author, based on the theory of constructing the corpus delicti, offers his own solutions to existing legislative problems. In particular, it is recommended to exclude from the law qualifying signs of theft and computer fraud «from a bank account, as well as in relation to electronic money» (paragraph «d» of Part 3 of Article 158, in paragraph «c» of Part 3 of Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation). In addition, a draft of a new norm has been formulated (Article 164.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) about the theft or extortion of digital currency. The proposals on the construction of the main composition of this crime and qualifying features, which it is advisable to fix in the proposed norm, are reasoned.

Keywords: Criminal Code of the Russian Federation; embezzlement; money; bank account; electronic means; digital currency; differentiation of responsibility; corpus delicti; construction

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Smolyakov, Alexander N. | E-mail: mr.smolyakov93@mail.ru
| Postgraduate

Хищение безналичных денежных средств и цифровой валюты: проблемы конструирования составов преступлений

А. Н. Смоляков¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-110-117
УДК 343.326

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье со ссылкой на Определение Конституционного Суда РФ от № 1374-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности пункта «г» части третьей статьи 158 и статьи 159.3 Уголовного кодекса РФ в связи с запросом Железнодорожного районного суда города Рязани» и доктринальные источники доказывается необходимость совершенствования уголовно-правовых норм о хищениях безналичных денежных средств и цифровой валюты. Автор, основываясь на теории конструирования состава преступления, предлагает собственные решения существующих законодательных проблем. В частности, рекомендуется исключить из закона квалифицирующие признаки кражи и компьютерного мошенничества «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств» (п. «г» ч. 3 ст. 158, в п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ). Кроме того, сформулирован проект новой нормы (ст. 164.1 УК РФ) о хищении либо вымогательстве цифровой валюты. Аргументированы предложения о конструкции основного состава данного преступления и квалифицирующих признаках, которые целесообразно закрепить в предлагаемой норме.

Ключевые слова: УК РФ; хищение; денежные средства; банковский счет; электронные средства; цифровая валюта; дифференциация ответственности; состав преступления; конструирование

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смоляков, Александр Николаевич | E-mail: mr.smolyakov93@mail.ru
Аспирант

09.07.2021 увидело свет Определение Конституционного Суда РФ от № 1374-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности пункта “г” части третьей статьи 158 и статьи 159.3 Уголовного кодекса РФ в связи с запросом Железнодорожного районного суда города Рязани». Основанием обращения в высший орган конституционного контроля послужила неопределенность в вопросе о соответствии Конституции РФ положений п. «г» ч. 3 ст. 158 и ст. 159.3 УК РФ «в той мере, в какой путем выбора между ними в правоприменительной практике решается вопрос об уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета посредством использования неуправомоченным лицом платежной (банковской) карты, в том числе расчетной (дебетовой), кредитной, при бесконтактной оплате товаров (работ, услуг) в рамках лимита платежа, допускаемого к осуществлению без введения ПИН-кода». На диспропорции в наказуемости этих видов хищений, свидетельствующих об изъянах дифференциации ответственности за указанные виды хищений, уже обращалось внимание в доктрине [1], в том числе в наших работах [2].

И хотя Конституционный Суд РФ прекратил производство по делу, из вынесенного им определения с очевидностью следует вывод, что уголовное законодательство в рассматриваемой части явно нуждается в совершенствовании. В системе действующего правового регулирования, по нашему мнению, возможны два варианта решения обозначенной проблемы: 1) исключение из п. «г» ч. 3 ст. 158, в п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ спорного квалифицирующего признака; 2) реконструкция санкций статей о хищениях (в частности, ужесточение санкций ст. 159.3 УК РФ, чтобы основной состав относился к категории тяжких преступлений).

Полагаем, что заниматься реконструкцией санкций бессмысленно. Это, как представляется, будет борьбой с симптомами, а не с их причинами. Есть все основания утверждать, что хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств не обладает повышенной степенью опасности в сравнении с хищением наличных денег или иного имущества. Сегодня безналичные расчеты фактически стали нормой поведения, многие граждане вообще перестают использовать наличные денежные средства. И на этом фоне абсолютно непонятна позиция законодателя, установившего ощутимо более суровые меры наказания за хищение безналичных денег. Более того, если, например, тайно изъято 100 тыс. руб., то виновному инкриминируется п. «в» ч. 2 ст. 158 УК (кража с причинением значительного ущерба гражданину), а если даже 1 тыс. руб., но с банковского счета (путем оплаты покупки с чужой карты), то –

п. «г» ч. 3 ст. 158 УК. Хотя совершенно очевидно, что последнее преступление менее вредоносно, причем стократно менее опасно. Для устранения этих законодательных «перекосов» представляется логичным исключить из ст. 158 и ст. 159.6 УК РФ спорный квалифицирующий признак.

Одновременно отметим важность разработки иных предложений по оптимизации законодательства в части противодействия современным формам криминальных посягательств на собственность в условиях цифровой реальности. В этой связи, думается, что с позиции учения о дифференциации ответственности и теории законодательной техники назрело дополнение УК РФ нормой о посягательствах на цифровую валюту. Главный довод в пользу такого правотворческого решения – это повышенная общественная опасность завладения цифровой валютой, обусловленная специфическими особенностями данного вида имущества. К цифровой валюте, несмотря на ощутимые подвижки в вопросах правового регулирования ее оборота, государство имеет все основания относиться с особой осторожностью. Все дело в анонимности цифровой валюты, ее децентрализованности, отсутствии обеспечения и иных свойствах, ввиду которых полноценный государственный контроль за ее оборотом невозможен. Это делает криптовалюту крайне привлекательной для лиц, участвующих в различного рода криминальных операциях, включая отмывание доходов, полученных преступным путем, незаконный оборот наркотиков, коррупцию, финансирование терроризма и экстремизма. Соответственно, и противоправное завладение подобным «токсичным» финансовым инструментом представляет повышенную опасность в сравнении с посягательствами на обычные деньги или иное имущество.

Не случайно 20 января 2022 г. Банк России представил на своем официальном сайте для публичного обсуждения доклад, в котором с учетом создаваемых распространением криптовалют рисков для граждан, а также угроз для финансовой стабильности и экономической безопасности государства сформулировал достаточно жесткие предложения по ограничению операций с криптовалютами в России. В частности, регулятором предложено ввести ответственность за нарушение запрета на использование криптовалюты в качестве средства платежа за товары, работы и услуги, продаваемые и покупаемые юридическими и физическими лицами – резидентами РФ [3].

Кроме того, не стоит забывать о существенной превентивной роли уголовного закона, которую он призван играть в борьбе с новыми видами криминальных угроз. Сегодня в УК РФ отсутствует понятие цифровой валюты, ведутся многочисленные споры о ее природе и возможности оценки

криминальных посягательств на нее по тем или иным статьям УК РФ. В таких условиях введение специальной нормы о противоправном завладении цифровой валютой заметно усилит предупредительный потенциал уголовного закона, позволит самым серьезным образом укрепить механизм уголовно-правовой охраны отношений, связанных с обладанием этим финансовым активом, столь привлекательным для криминалитета.

Наконец, потребность в конструировании специального состава завладения цифровой валютой продиктована тем фактом, что хищение либо вымогательство криптовалюты весьма часто встречается в практике (причем количество такого рода преступлений неуклонно возрастает). И в этом смысле трудно отрицать не только общественную опасность данного поведения, но и такие его криминологические показатели, как типичность и распространенность.

О том, какой должна быть редакция предлагаемой нормы, как должен выглядеть основной состав преступления, какие квалифицирующие признаки должны градировать ответственность за данное деяние и т. д., мы размышляли, опираясь на теорию конструирования состава преступления и учение о дифференциации ответственности. Итогом же наших рассуждений является проект новой нормы – «Статья 164.1 УК РФ. Хищение либо вымогательство цифровой валюты». Данную норму целесообразно, на наш взгляд, разделить на четыре части: 1) хищение либо вымогательство цифровой валюты (основной состав); 2) то же деяние, совершенное: а) группой лиц по предварительному сговору; б) в значительном размере; 3) деяние, предусмотренное частями первой или второй настоящей статьи, совершенное: а) лицом с использованием своего служебного положения; б) в крупном размере; в) с применением насилия, неопасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия; 4) деяние, предусмотренное частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенное: а) организованной группой; б) в особо крупном размере; в) с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия.

Нетрудно видеть, что в предложенном нами проекте ст. 164.1 УК мы опирались на бланкетный прием при формулировании признаков состава. Ключевой признак, послуживший критерием конструирования данного специального состава преступления, – это его предмет, в качестве которого выступает цифровая валюта. Данный термин мы сформулировали в том виде, в каком он употребляется в регулятивном законодательстве. В частности, известно, что в теории и практике используются различные обозначения для криптовалюты, в первую очередь собственно тер-

мин «криптовалюта». Следует отметить также, что на сегодняшний день в науке, зарубежном законодательстве и документах различных международных организаций для ее обозначения используется и другой термин – «виртуальная валюта». Более того, данный термин употребляется в письмах, разъяснениях и иных документах российских органов государственной власти [4, с. 7]. Но с позиции теории законодательной техники при конструировании состава преступления понятия следует обозначать теми терминами, которые использованы в «родной» для них отрасли законодательства.

Легальное же обозначение и дефиниция криптовалюты в настоящее время содержатся в п. 3 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», в соответствии с которым цифровой валютой признается совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, которые могут выполнять функцию средства платежа, не являясь денежной единицей РФ, расчетной единицы или объекта инвестирования и в отношении которых отсутствует обязанное лицо, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему по ее правилам¹.

Указание в проекте ст. 164.1 УК вымогательства как альтернативного хищению деяния продиктовано не только реалиями и тенденциями следственно-судебной практики, но и рекомендацией о необходимости стремиться к «изоморфизму» (одинаковости структур) при конструировании составов сходных преступлений. Идея «изоморфизма» при построении составов состоит в том, что, по общему правилу, при однопорядковости общественно опасных деяний должны совпадать нормативные конструкции их составов [5, с. 114–115; 6, с. 60]. В предлагаемом варианте ст. 164.1 УК как раз учтена данная рекомендация и использована уже хорошо известная уголовному закону и успешно апробированная в практике конструкция объективной стороны состава преступления – «хищение либо вымогательство» (идентичная формула задействована законодателем, среди прочих, в ст. 226 и 229 УК).

---

¹ См.: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» // Российская газета. 2020. 6 авг., № 173. С. 2–6.

Что касается вопросов внешней законодательной техники, то обратим внимание на два момента.

Во-первых, учитывая, что ст. 164.1, по нашей мысли, должна охватывать все известные способы и формы хищений, а также вымогательство, логично ее разместить после описания конкретных форм хищений и состава вымогательства. Этой же логикой с очевидностью руководствовался и законодатель, определяя место дислокации в главе 21 УК нормы о хищении предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность (независимо от способа хищения) – ст. 164.

Во-вторых, уже долгое время остается нерешенной в УК РФ проблема так называемой синекдохи: по общему правилу множественное число слова «по умолчанию» используется для обозначения как нескольких соответствующих понятий, так и одного. Например, в той же ч. 1 ст. 164 УК говорится о хищении предметов или документов... Естественно, что по смыслу закона хищение и одного предмета или документа образует состав данного преступления. Буквальное же толкование свидетельствует об обратном: для вменения оконченного преступления нужно установить хищение, как минимум, двух предметов или документов. Отсюда встречаются попытки буквально истолковать закон, считать множественное число прямым волеизъявлением законодателя. И чтобы избежать подобной негативной практики и связанной с ней проблемы правоприменения, представляется необходимым при описании признаков преступлений, когда для ответственности достаточно одного предмета, действия и т. д., использовать единственное число слова. В связи с этим при описании квалифицированных составов в ст. 164.1 УК нами сознательно употреблен термин «деяние» в единственном числе: «то же деяние» (ч. 2), «деяние, предусмотренное частями первой или второй настоящей статьи» (ч. 3), «деяние, предусмотренное частями первой, второй или третьей настоящей статьи» (ч. 4). Хотя законодатель при описании родственных преступлений, к сожалению, в этом вопросе не всегда разборчив. Например, в ч. 2 ст. 159.1 УК говорится о «том же деянии», а уже в частях второй и третьей этой же статьи – о «деяниях» во множественном числе слова.

В целом же выразим убежденность в том, что внедрение в отечественный уголовный закон нормы о хищении или вымогательстве цифровой валюты ощутимо повысит уровень уголовно-правовой охраны отношений собственности в этой области, а также повысит эффективность борьбы с криминальными посягательствами на данный вид финансового актива.

Ссылки

1. Архипов А. В. Проблемы применения норм УК РФ, устанавливающих ответственность за хищение денежных средств с банковского счета // Российская юстиция. 2020. № 4. С. 12–14.
2. Смоляков А. Н. Об изъятиях дифференциации ответственности за хищения, совершенные в отношении безналичных денежных средств // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Международной научно-практической конференции. М., 2020. С. 245–247.
3. Банк России 20 января 2022 года представил предложения по ограничению операций с криптовалютами. URL: <https://www.garant.ru/news/1523294/#sdfootnote1sym> (дата обращения: 21.01.2022).
4. Информация Банка России от 27.01.2014 «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют»» // Вестник Банка России. 2014. № 11. С. 7–9.
5. Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика. М., 2014. 351 с.
6. Иванчин А. В. Факторы, учитываемые в процессе конструирования состава преступления // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 59–61.